

18+

Александр Елисеев

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

ИЗ СЕЛА КУКУЕВО

Александр Елисеев

**Собака Баскервильей
из села Кукуево**

«Издательские решения»

Елисеев А. С.

Собака Баскервилей из села Кукуево / А. С. Елисеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-607724-9

Молодой амбициозный выпускник юридического факультета, рассчитывая получить неплохой старт дальнейшей карьеры, приезжает работать следователем в маленький провинциальный городок, где сразу погружается в дремлющую атмосферу глубинки и рутину процессуальной деятельности. Первое же дежурство сталкивает следователя с необычным убийством. А возвращаясь с работы поздним вечером через пустынный парк, герой повествования встречается с неожиданным и совершенно необъяснимым явлением.

ISBN 978-5-00-607724-9

© Елисеев А. С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	16
5	19
6	23
7	26
8	29
9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Собака Баскервилей из села Кукуево

Александр Сергеевич Елисеев

Дизайнер обложки Лилия Казанцева

Корректор Нина Берестовская

© Александр Сергеевич Елисеев, 2023

© Лилия Казанцева, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-7724-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения имен, названий, географических мест и дат случайны.

С благодарностью жене, уделившей столько внимания обсуждению сюжета, чтению и редактированию текста, а также моральной поддержке автора.

1

«Меня зовут Бонд... Джеймс Бонд», – сумел удержать я вертевшийся на языке ответ на незатейливый и очень предсказуемый вопрос, заданный прокурором.

– Значит так, Виноградов Сергей Егорович, – строгим и несколько отчужденным голосом сказал прокурор, – у нас тут места особенные. У вас в городе всё, конечно, не так, но придётся тебе учитывать! Ты здесь неизвестно на сколько, а мы здесь... понимаешь, живем всю жизнь.

Тавтологию его явно не пугали. Я внимательно и преданно смотрел в глаза прокурора, что давалось с большим трудом, поскольку тот постоянно отводил взгляд и смотрел куда-то мимо меня с таким упорным искусством, как будто прослужил лет тридцать при византийском дворе, или окончил школу-студию МХАТ.

– Комнату в общежитии получишь, – одобрительно кивнул прокурор.

– Не надо, спасибо, я сам устроюсь, – поспешно отказался я.

– Ну, дело хозяйское, – не стал настаивать мой новый начальник, однако и облегчения в его глазах не появилось, конечно, ему абсолютно по барабану мои жилищные проблемы.

Атмосфера незнакомого, впервые увиденного кабинета, с угрюмой пылью и коричнево-серого цвета казенной обстановкой ощущалась не то чтобы очень уж угнетающей, но весьма недружелюбной, по-чужому холодной и строгой. Хотелось скорее уйти, упасть на свое рабочее место, отгородиться от окружающих ворохом служебных бумаг, взять передышку, прийти в себя, оглядеться на новом месте. Не очень-то я адаптируюсь в непривычной обстановке. А тут еще, как назло, забыл имя-отчество прокурора. Не то Степан Валентинович, не то Валентин Степанович, а может, вообще Виктор Сергеевич? Да нет, вряд ли... Простой выход быстро пришел в голову: сидя лицом к прокурору, я скосил глаза на крышку стола и с облегчением увидел поверх пачки пыльных бумаг постановление с резолюцией в правом верхнем углу: «УТВЕРЖДАЮ» Прокурор Средневолжского района Бугаев В. С.»

– Семен Валентинович!! Разрешите приступить к исполнению обязанностей? – мой голос должен был звучать молодежато и бодро, а прозвучал надрывно, по-детски, нет, совершенно по-идиотски. И, к тому же, О УЖАС!!!! Я перепутал. Конечно Валентин. И даже не Семенович, а Степанович! Но, как говорит избитая истина, слово – оно, конечно, не воробей.

К моему удивлению, Валентин Степанович Бугаев, младший советник юстиции, прокурор Средневолжского района, пропустил мою досадную непростительную ошибку мимо своих прокурорских ушей, и, очевидно, думая о чем-то своем, вяло махнул рукой:

– Топай, Сергей... Егорович, топай!

Моя «база», как модно было говорить среди следователей (нахватался на преддипломной практике) – двадцать третий кабинет. Удивительным было уже то, что он находился на первом этаже прокуратуры, и был тут вообще только один. Первый этаж общего для прокуратуры и отделения милиции здания имел два отдельных входа. Со стороны райотдела милиции на первом этаже располагалась дежурная часть, камера временно задержанных, кабинет дознавателей ГИБДД и многое другое; на втором этаже скромно сидел начальник милиции, а рядом ютился уголовный розыск. С обратной симметрией, в прокуратуре района на первом этаже помещался только кабинет следователей, а на втором – кабинеты прокурора и заместителя прокурора, канцелярия и еще неизвестно какие комнаты, которые были всегда закрыты, вероятно, там предполагались камеры вещественных доказательств и архив, а на деле прокурор его знает, что там могло храниться.

Кабинет номер двадцать три произвел бы удручающее впечатление на любого любителя кабинетов. Он был очень пыльным, очень местечковым, очень некомфортабельным и очень глупым. Знаете, бывают такие кабинеты, в которых, даже ненадолго заглянув, ощущаешь себя

ничтожным и бранным; кабинеты, которые мудро смотрят на тебя, снисходительно предлагая к пользованию потертый десятилетиями заслуженный-презаслуженный стул, и которые повидали уже многое, много больше того, чем являешься ты. А есть такие современные, агрессивные кабинеты, которые норовят потопить тебя в буднях, без тени чванства, но с расчетливостью дельцов усадят посетителя в кресло, что окажется уютным не более пятнадцати протокольных минут, а после выплюнет тебя и позабудет, как и те сотни людей, твоих предшественников, чьи отпечатки задов и гул голосов таяли в памяти прямо пропорционально ниспадающему коммерческому или политическому интересу. Кабинет номер двадцать три был совершенно другим.

Это был действительно глуповатый кабинет, ибо не удосужился даже обзавестись собственной аурой и неподражаемой атмосферой. Более всего он напоминал собой салат, но не прославленный в веках винегрет, и не почетный праздничный оливье, где пестрая палитра продуктов уложена в единый и гармоничный ряд, а тот народный салатик, рецепт которого начинается словами: «Если гости застали тебя неожиданно, берешь все, что у тебя оставалось в холодильнике, мелко нарезаешь и...».

Начнем с того, что кабинет имел светлые выцветшие обои в цветочек, более подходящие для мещанской спальни, нежели для стен присутственного места. В углу на основательных ножках врос в пол приземистый сейф дореволюционной, ну, в крайнем случае, начала века, конструкции. На подоконнике стоял заплесневелый графин приблизительно такого же возраста. Два стола располагались в свободных углах кабинета, один из которых также был архаичен, или антикварен, если угодно. Обитый черной клеенкой по столешнице, с цельными деревянными массивными ножками, он явно подходил бы какому-нибудь полицмейстеру более, чем следователю прокуратуры начала двадцать первого века.

Второй стол словно выплыл из советских времен, похожий на ученический, полированный, с выдвижными ящиками и изрисованной ручкой и исчищенной ножом поверхностью. Верхний ящик стола не закрывался до упора, а нижний лучше было вовсе не трогать, потому что он выскакивал из пазов и рассыпался на четыре части, заклеить которые было нечем, а собирать и аккуратно засовывать обратно невыносимо. Надо ли говорить, что второй стол достался мне.

Помимо столов в кабинете имелся шкаф для верхней одежды, куда можно было не без труда пристроить куртку и шапку, несколько разнокалиберных стульев различного возраста и стиля, да пара тумбочек. Все предметы мебели, включая мой стол, были завалены вещественными доказательствами и папками с уголовными делами. Тут были какие-то старые тряпки, пустые банки, ножи, запечатанные в полиэтиленовые пакеты. На полу стояла кадка с засохшим цветком. У стены между шкафом и сейфом притулился стул, на котором дремала древнейшего вида старушка в шляпе, положив на колени высохшие тонкие кисти рук.

Следователь прокуратуры, юрист второго класса Денис Зосимович Алексеев, теперь мой сосед по кабинету, поднялся из-за полицмейстерского стола и протянул для пожатия руку. На вид было ему около сорока с небольшим лет, высокий, тощий, одет в потертый костюм фасона «в сельском клубе праздник» серо-коричневого цвета и светлую рубашку без галстука, на голове копна плохо расчесанных волос темно-русого цвета с чуть пробивающейся сединой, лицо украшали усы. В общем, эдакий типаж пятнадцати-двадцатилетней давности. Из-под расстегнутого ворота рубашки старшего следователя выглядывала тельняшка.

– Старшина морской авиации. В запасе, – проследил за моим взглядом новоприобретенный коллега и, надеюсь, в скором времени товарищ по работе, – теперь вот следователем служу. Старшим.

– Виноградов Сергей Егорович, можно просто Серега, назначен следователем, – я попытался крепче пожать протянутую руку.

– Служил? – поинтересовался Денис Зосимович с интересом, но с явным сомнением оглядывая мою слегка полноватую фигуру и очки.

– Никак нет, – по возможности дружелюбным голосом постарался сказать я, – приступаю вот только.

– Ну, добро, Серега, приступай, – кивнул Денис Зосимович, вернулся на свой стул, выбил умелым щелчком из картонной пачки сигарету без фильтра и, закурив, углубился в чтение каких-то бумаг. Комната быстро наполнилась вонючим дымом.

– А-а-а-а... Денис Зосимович, э-э-э-э-э... а это? – протянул я нерешительно. Денис Зосимович поднял глаза и следом за мной посмотрел в сторону спавшей старушки.

– Посетитель, – скучным голосом ответил следователь и вернулся к своей дымящей сигаретине и бумагам.

Я уселся за свой школьнический стол, вытащил из кармана пачку «Винстона» и тоже закурил. Сосед по кабинету вновь поднял на меня глаза и посмотрел уже теплее. Я протянул ему свои сигареты предлагающим жестом. Денис Зосимович совсем растаял, улыбнулся и отрицательно махнул рукой:

– Не накуриваюсь такими, привык вот к этим, – и, вынув из кармана пиджака, показал мне алую пачку жуткой «Примы», которую я сам отваживался курить последний раз, наверное, лет десять назад, когда, еще будучи школьником, баловался с приятелями и особо выбирать курево было не из чего. А ещё моя матушка рассыпала такие сигареты в шкафу, чтобы избавиться от моли.

– Старушка эта – потерпевшая по одному делу тут, – снизошел до объяснений, подобревший к новому сослуживцу Денис Зосимович. Впрочем, я не был на него в обиде, вряд ли такому, как он, мужичку, мог с первого взгляда понравиться назначенный из областного центра коллега, плотный, коротко стриженный, одетый в джинсы и толстовку, к тому же в очках с золочёной оправой и с модной моделью пейджера на ремне.

– Её тут бандиты из квартиры выселили, жильё продали, а она на дачах тут обреталась, – продолжал следователь. Я уже понял, что слово «тут» он употребляет в самом широком смысле.

– К ее счастью, бандитов тех нашли, квартиру вернули, но бабушка всё ходит тут, жалуется. Старенькая совсем. Маразм, видать, хватил. Приходит каждый день. И выставить ее неудобно, – вздохнул Денис Зосимович.

В это время старушка проснулась, оглядела кабинет осоловелым взглядом и строго спросила меня:

– А кош...шки мои где? Где кош...шки я спрашиваю у вас?! – с особым акцентом на «ш» прошамкал ее архаический рот.

Признаюсь, я не нашелся, что ответить.

– Аполлинария Захаровна-а-а, – ласковым голосом пропел мой сосед по кабинету, – нету давно уж ваших кошечек, забрали их чужие люди. Идите домой, пожалуйста.

– Да Вы ш...што? Это же кош...шмар! – сердито проскрипела старуха. – Они же не могут без меня. Найдите их немедленно! Где мои кош...шки?

Денис Зосимович не ответил, минутой ранее зазвонил телефон и он, взяв трубку, теперь негромко и сердито отчитывал кого-то за неявку по повестке.

Я тем более не готов был вступать в полемику с настырной старушечкой и принялся разбирать вещи на своем новоприобретенном рабочем месте. Перетаскав со стола на шкаф папки закрытых и приостановленных уголовных дел, место которых было в архиве, но там, по словам все того же Дениса Зосимовича, «прокурор себе погреб устроил личный и картошку хранит с капустой в мешках тут». Сложив в какую-то коробку пакеты с ножами, лоскутами ткани, бутылками, перчатками и еще черте какими предметами, я протер стол мокрой тряпкой, позаимствованной из совсем уж древних и ненужных вещдоков, после чего сгонял в соседний магазин, где был отдел канцтоваров и прикупил себе пару ручек, карандаш и пачку бумаги,

потому как ничем подобным, как выяснилось, нас снабжать не собирались, точнее, собирались, но неизвестно, когда точно.

Весь местный «офисный» инвентарь состоял из старой печатной машинки, к которой я поначалу и подходить-то не рискнул, станка для сшивания томов уголовных дел, огромного допотопного дырокола и калькулятора, который, как несложно было догадаться, тоже когда-то являлся вещдоком по уголовному делу. Два выдавших виды телефона и мой собственный пейджер – вот и вся оргтехника, имевшаяся в нашем распоряжении. Ни о каких компьютерах, принтерах и факсах, конечно, даже речь не шла. Ну ничего, думал я, протоколы можно и от руки писать, обходились ведь когда-то люди без современных технологических средств.

Зато на шкафу мне удалось обнаружить чудесную настольную лампу коричневого цвета. Хотя она и была, как многое здесь, старинной, зато солидной, массивной и работала, а значит, потеря зрения в ближайшее время мне не грозила. Хотя я и надел очки в первый день новой службы больше для солидности, чем для улучшения зрения, кабинет был сумрачный и темный настолько, что глаза сильно напрягались без дополнительно освещения, к тому же свет настольной лампы создавал некоторый уют. И конечно я уж вовсе не собирался светить ею в глаза подследственным, как иногда показывают в пошлых полицейских кинофильмах, что можно было бы предположить, а так просто, создавал себе интерьер.

Приведя наконец в порядок рабочее место, я с сознанием дела закурил и приготовился расспрашивать Дениса Зосимовича об особенностях жизни и службы «тут», но вдруг у меня на столе, вызвав ассоциации с известным стихотворением Чуковского, зазвонил телефон, и говорил там вовсе не слон, а наш прокурор Степан Валенти... э-э-э... Валентин Степанович, повелевший мне срочно зайти.

2

Вернулся я минут через пятнадцать, озадаченный первым поручением. Прокурор все с тем же отстраненным лицом и убегающим взглядом отписал мне материал для проверки в порядке статьи сто девятой уголовно-процессуального кодекса РСФСР (новый кодекс уже семь лет находился в стадии активного обсуждения, но пока так и не принят), и принятия решения о возбуждении уголовного дела, либо отказе в таковом.

Бесцветным голосом Валентин Степанович сообщил, что вот, мол, опять жалуются на оперативников райотдела, дескать, применяли меры физического и психологического воздействия на задержанного, а мама евойная – в смысле, задержанного, а не Валентина Степановича – волею судеб есть адвокат.

Зайдя в кабинет, я с удивлением обнаружил, что на коленях нашей старушки уже сложены пачкой тома уголовных дел, что, впрочем, никак не мешает ей по-прежнему спать, слегка посапывая и всхрапывая. Денис Зосимович, будто бы и не подымавшись с места, продолжал изучать какие-то свои бумаги, только стеклянная банка на его столе, служившая пепельницей, пополнилась окурками и воздух в комнате нависал соответствующий.

Спросив разрешения у старшего товарища, я открыл форточку, уселся на рабочее место и принялся звонить по телефону в уголовный розыск по номеру, указанному на листе со списком телефонов, который мне удалось раздобыть в приемной прокурора. Хриплый, не слишком вежливый голос ответил мне, что старший оперуполномоченный Выхин и оперуполномоченный Мельников на оперативном задании и когда появятся в отделе, неизвестно. Не успел я положить трубку, как дверь оглушительно хлопнула, словно от сильного порыва сквозняка, и в помещение вплыла женщина весьма внушительных габаритов. Она была одета, нет, правильнее сказать – наряжена – в высокую норковую шапку, которую несла на гордо поднятой голове как корону, норковую же шубу, что развевалась подобно мантии, и сапоги, грохотавшие по полу будто и не каблуками, а кованой подошвой или шпорами.

Прошествовав на середину комнаты, дама остановилась и окинула нас долгим повелительным взглядом, глаза её не сразу привыкли к полумраку кабинета. От грохота двери наша старушка проснулась, открыла было рот, чтобы выдать очередную тираду о «кош... шках», но, вероятно узрев в очертаниях гостьи признаки венценосной особы или как минимум губернаторши, быстро закрыла рот обратно и приготовилась внимательно слушать, напряженно прижимая к себе папки уголовных дел и даже немного выпучив от напряжения глаза.

– Вы должны немедленно разобраться с этим делом и наказать виновных! – громогласно потребовала визитерша от следователя Алексеева, безошибочно определив в нем старшего. – Пора уже прекратить этот милицейский произвол! Надеюсь, вы это понимаете?!

Денис Зосимович согласился с дамой, что давно пора с таким явлением кончать и указал на меня, как на делегированного от нашего учреждения драконоборца с произволом. Дама всем корпусом развернулась ко мне и предприняла новое наступление. Из многословной громогласной речи я понял, что именно она является мамашей физически и психически воздействованного объекта, а по совместительству адвокатом по фамилии Скрябина и по имени Людмила Васильевна.

Признаться, я даже несколько устал, когда спустя минут десять пыл говорившей несколько не иссяк, густо накрашенные глаза смотрели все так же проникновенно, а из сочно напомаженного рта лилось непрекращаемое: «Ой, ну вы уж нам помогите, мальчишки!», «Уж такая у меня просьба к вам!», «Отнесите по-человечески к людям». На мои слабые возражения, что материал получен полчаса назад и сперва надо вникнуть в фактические обстоятельства происшествия, мамаша-адвокат, повышая громкость и одновременно понижая тембр голоса, вопрошала:

– Ну чего тут больно уж разбираться-то? Преступники они самые настоящие и есть! Я пятнадцать лет адвокатом работаю и насмотрелось уже на таких!!

В конце концов, мне пришлось встать из-за стола и, употребив идиотские киношные фразы типа «Не волнуйтесь гражданочка, разберемся», «Ждите, вас вызовут повесткой», взять даму за внушительных размеров локоть, осторожно вывести из кабинета, сердечно распрощаться на пороге и аккуратно прикрыть за визитершей дверь. Из коридора еще некоторое время приглушенно раздавалось: «Уж такая просьба у меня к вам, к хорошим людям, по хорошему отнеситесь...», – затем все окончательно стихло.

– Штормило балла на три, не укачало тебя, Сережа? – поинтересовался следователь Алексеев, хитро прищурившись и потушив очередную истребительницу моли в своей настольной банке.

– Ох, не говорите, Денис Зосимович, всю каюту обрыгал, – печально подыграл я соседу. Алексеев добродушно рассмеялся и предложил:

– Давай лучше на «ты», не такой уж я старый, и птица не слишком важная.

– Да неудобно как-то, – засомневался я.

– Нормально, – перечеркнул воздух рукой старший следователь, – тем более тебе предстоит еще проставляться с прибытием, это что ж ты за бутылкой на меня «выкаты» будешь что ли?

– Хорошо, можно и на «ты». Тогда может, я буду звать тебя Зосимычем? А то Денис как-то слишком панибратски, по имени—отчеству – длинно, а по фамилии – жлобски, – продолжил я налаживать контакт с коллегой. – А проставляться думаю в пятницу, послезавтра. Обустроиться хотел для начала.

– Добро! – согласился новоиспеченный Зосимыч. – Только не зови Серафимычем и Симычем. В армии некоторые так дразнили. Не люблю, – и, подумав секунду, добавил, – ну в пятницу, так в пятницу. Хороший день, аура положительная.

Я снова набрал телефон уголовного розыска и тот же недружелюбный, глухой и хриплый голос сообщил, что интересующие меня персоны «на задании» и сегодня уже вряд ли появятся.

Более ничего особо интересного в мой первый рабочий день не произошло. Зосимыч передал мне пару безнадежных в расследовании уголовных дел, которые «давно пора уже прекратить, но тут прокурор упирается и дает указания о производстве дополнительных следственных действий, ну что тут сделаешь, етима!»

Также мне в производство достался еще один материал проверки на предмет возбуждения уголовного дела в порядке сто девятой статьи: «Тут на инженера по технике безопасности стройки тут одной местной, забодай его кальмар». «Кальмар» меня, конечно, очаровал своим неожиданным появлением вместо извечного «комара», хотя и не отвлек внимание от того обстоятельства, что срок производства по уголовным делам истекал уже в понедельник, а материалу в порядке сто девятой завтра исполняется десятый день. Вообще-то в кодексе указано, что такие материалы должны рассматриваться в трехдневный срок, а в особых случаях – в течение десяти дней, но я с преддипломной практики знал, что каждый случай – он особенный! Закончив с делами, я посмотрел на часы пейджера и, убедившись, что уже полтора часа, как наше рабочее время истекло, распрощался с Зосимычем и покинул кабинет.

3

Районная прокуратура, а также РОВД, городская администрация и всякие прочие государственные конторы располагались в так называемом «Старом городе» – центральном районе городка Средневолжска, в недалеком прошлом – поселка городского типа. Этот район, протянувшийся вдоль реки Волги, состоял в основном из деревянных одноэтажных домиков и каменных двухэтажных бараков, в беспорядке теснившихся внутри длинных прямоугольных кварталов. Однообразие архитектуры слегка нарушала центральная площадь, с трех сторон окруженная административными и жилыми зданиями сталинской постройки, а с четвертой подпираемая их монументальным современником – местным дворцом культуры.

Наособицу от «старого города» стоял новый район, называемый в народе «блочка», застроенный в основном панельными пяти- и изредка девятиэтажными домами архитектуры восьмидесятых годов двадцатого века. Районы разделял приличных размеров парк культуры и отдыха имени Горького, как назывались многие из парков советских времен, и небольшой пустырь, через которые мне предстоял путь домой. Приемлемую квартиру снять было возможно только в «блочках», если, конечно, клиент не питал особой любви к ветхости, коммунальному быту и удобствам во дворе. Лично я не питал.

Признаться, я вообще не особо отважный человек. Во всяком случае, ходьба одному по темному парку, даже по центральной, но все равно плохо освещенной аллее не доставила мне особого удовольствия. Снег поскрипывал под подошвами, нависали вокруг забеленные ветки деревьев, тускло горели редкие фонари. Наверное, при других обстоятельствах все это могло казаться романтическим, но не мне, одинокому в чужом незнакомом городе. Так я и шел один, кутаясь в не слишком теплую кожаную куртку и пряча руки без перчаток в карманы. Глаза с произвольным напряжением всматривались в темные участки аллеи впереди. М-да, не очень-то весело, а ведь так мне предстоит прогуливаться с работы ежедневно.

Световые дни зимой коротки, да и служба в прокуратуре не располагает к ранним возвращениям домой. Я пожалел, что оставил в Самаре свою машину. Любимую «девятку» негде было держать на новом месте, а можно ли снять тут гараж и сколько это будет стоить, я пока еще не вникал. Оставлять автомобиль во дворе нереально, здесь не Москва – мигом разуют, в Самаре-то машины во дворе ставили крайне редко. Бывало, идешь утром в институт, глядишь – чей-то автомобиль на кирпичках вместо колес стоит, или милицейская опергруппа осматривает вскрытый салон машины, лишенной магнитолы, колонок, чехлов, а то и лобового стекла. Я своей «тачкой» рисковать не хотел. Да и возвращаться поздно из гаража одному пешком, по сути, то же самое, что и с работы, поблизости от моего дома гаражей не было, автостоянок – тем более. Баллончик, что ли, купить газовый, раздумывал я. Служебное оружие следователь получить мог, но нужно было пройти дополнительную долгую процедуру оформления документов. К тому же таскать с собой служебный «ствол» – большая ответственность, вдруг потеряешь, или упрут, да и хранить его дома негде: в съемной, фактически чужой квартире, ключи от которой могли быть у кого угодно, дверь своей хлипкостью не выдерживала никакой критики, а сейфа у меня конечно не было.

Сразу за парком начинался пустырь, как ни странно, выглядевший намного более мирным и безопасным, возможно из-за света от многоквартирных домов «блочка», заливавшего открытое пространство пустыря, а может из-за десятка собачников, прогуливающих своих питомцев.

Несколько удивляло то, что собачники не кучковались компанией, отпустив псов на свободный выгул, как это часто можно было видеть в моем родном городе, а гуляли как-то особняком каждый, причем почти никто не спускал своего пса с поводка. Но в любом случае, освещенная местность и люди – это намного приятнее пустынных полутемных аллей.

Приободренный, я зашагал к ближайшему из павильончиков, местные жители называли такие давно устаревшим словом «комки», означавшим в восьмидесятые годы комиссионные магазины. Нужно было прикупить сигарет и, может быть, пару пива, дабы скоротать одинокий холостяцкий вечер, а заодно отметить новоселье, трудоустройство и традиционный «день гра-неного стакана» – народный русский праздник, наступающий всегда, когда случается возможность и желание хоть немного выпить.

«Комок» являл собой типичный для провинции торговый павильончик, где посетителям всегда тесно, а товарам просторно. На буквально десяти квадратных метрах продавались молочные и мясные продукты, хлеб и выпечка, спиртное всех видов, включая ставшие чрезвычайно дорогими после дефолта вермут мартини и импортное пиво (наверняка просроченное).

На прилавках соседствовали дешевая косметика, всякие товары бытового назначения – мыло, лампочки, порошки и тому подобное, а также детские игрушки, колготки, носки, некоторые канцелярские принадлежности и даже зачем-то настенные календари, как я успел заметить, за прошлый год.

Небольшая очередь у прилавка занимала все оставшееся от товаров пространство. Женщины брали хлеб, колбасу, сосиски, сахар, чай; мужчины – пиво, дешевую водку, портвейн с неизменными карамельками или печеньем в квадратных пачках в качестве нехитрой закуси. Очередь двигалась быстро и вскоре дошла до стоявшего передо мной мужчины в пыжиковой шапке и дубленке до пят – традиционной одежды местных, обеспеченных лучше, чем другие, людей. Мужик слегка покачивался, наверное, принял на работе, а теперь зашел за извинительными гостинцами для жены и ребенка, подумалось мне. Однако, оперевшись на прилавок, мужчина спросил удивительно трезвым голосом: «Нюра, у тебя случайно нет корвалола или валерьянки?»

Получив отрицательный ответ, мужчина купил пачку «Мальборо», бутылку недешевого коньяка и быстро вышел из магазина.

Я приобрел пару пачек «Винстона», две бутылки местного пива «Волужка», осталось купить что-нибудь на ужин. Попросил задумчивую Нюру порекомендовать пельмени «поприличнее», к ним выбрал кетчуп и соленых орешков к пиву, сложил покупки в пакет и вышел из магазина.

На улице возле павильона тарахтел только что подъехавший «бобик» ППС (патрульно-постовой службы), возле которого я увидел того самого мужика из магазина с бутылкой коньяка в кармане. Рядом с ним с включенной рацией в одной руке, а другой рукой придерживая мужчину за рукав, стоял невысокого роста милиционер в звании капитана. Забирают как пьяного, подумалось мне, а у него просто плохо с сердцем. И чего чудак не носит с собой нитроглицерин, или хотя бы валидол? Нащупав в кармане удостоверение, я, приготовившись вступить за мужика, шагнул в сторону «бобика», но, не дойдя пары шагов, неожиданно понял, что никто мужика забирать не собирается, более того, мужик и капитан знакомы, капитан что-то твердо и жестко выговаривал мужику, а тот смотрел испуганно и виновато. Да уж, хорош я был бы сейчас со своим заступничеством. К счастью, говорившие не обратили на меня никакого внимания. В сердцах ругнув себя за бестолковость и поспешность в выводах, я развернулся и зашагал в сторону своего нового жилища.

Дома меня ожидали пустые стены с бледно-зелеными обоями в коридоре и розово-желтыми в комнате. На светло-синего цвета кухне имелась электроплита, которой мне еще предстояло обучиться пользоваться, выдавший многое в жизни холодильник, оклеенный теми же обоями, что и стены, исправно и даже чересчур сильно морозивший, но имевший одну веселую особенность: если сильно хлопнуть дверью холодильной камеры, дверца морозильной, расположенной сверху, вываливалась прямо на хлопнувшего, а весила она, надо сказать, немало. Еще дома был маленький кубик телевизора с тридцать седьмой диагональю экрана, выдавший виды раскладной диван, нераспакованный чемодан с вещами и унылое одиночество. А с утра

меня снова ждала непривычная новая, пока еще чужая и непонятная, но долгожданная и, уж наверняка, интересная работа.

Пара бутылок пива – конечно, не доза для взрослого и не слишком худого мужчины, но, когда к ним добавляются полумрак пустой квартиры, пачка сигарет и окружающая тебя пустота, сами собой возникают размышления о том о сем. Вот и я пытался, глядя в окно, за которым повалил густой снег, скрывший дома, двор, деревья и редких прохожих, так что казалось, будто во всем мире остались только рама со стеклом и огромные белые хлопья, осмыслить события последнего времени, оглядеть и оценить себя как бы со стороны.

Мне двадцать пять лет, пусть и с небольшим опозданием, но прошлым летом я успешно окончил юридический факультет, прошел хорошую практику в районной и городской прокуратурах, оформил документы в кадровый резерв. Трудоустройство мое, конечно, несколько затянулось – в Самаре мест не было. Все мои приятели—практиканты уже работали, правда, в городе никто не остался, кого-то устроили близлежащие Новокуйбышевск и Красная Глинка, а кто-то с удовольствием уехал в отдаленные районы области за двести километров, лишь бы подальше от родительской опеки. Мне как-то особо ехать в глушь не хотелось, а областной центр и прилегающие районы не предлагали, вот и просидел до февраля в ожидании вакансии, пока от тоски и бесперспективности не согласился на место следователя в районной прокуратуре в «уездном городе» Средневолжске.

Вариант, конечно, ни то, ни се – ни город, ни деревня, от дома пятьдесят километров – вроде и недалеко, но каждый день не наездишься. В общем, так себе вариант, но надо же было с чего-то начинать. Другие сферы деятельности, куда можно было пойти работать кроме прокуратуры особо не рассматривал, в милицию не очень хотел по ряду личных причин, о федеральной службе безопасности как-то не задумывался, а остальное не годилось, поскольку чревато было годом службы в вооруженных силах, в которые я, увы, не рвался в свои двадцать пять, да и видел мало общего между почетным долгом защиты Родины и унижительным, голодным положением солдата, тратящего целый год своей молодости на бесплатный и неквалифицированный труд по строительству дач и обслуживанию разного рода нужд золотопогонных чиновников.

Город Средневолжск (население около пятидесяти тысяч человек, пивобезалкогольный завод, крупная лесопилка с мебельным цехом, молокозавод, хлебокомбинат, недостроенный в советские времена неизвестный научно-промышленный комплекс) встретил меня совершенно равнодушно: жители спешили на работу, немногочисленные, по сравнению с областным центром, автомобили и совсем уж редкие автобусы неторопливо плыли по заснеженным дорогам, у дверей магазинов степенно общались пенсионеры. Чистый приятный воздух, провинциальность, патриархальная атмосфера деревянных одноэтажных домиков, смешанная с разнообразием советской архитектуры разных времен.

Обстоятельная неторопливость, вежливая доброжелательность, скромность в одежде и слегка растянутая речь местных жителей. Примерно что-то такое я и ожидал. Удивило лишь обилие в городке молодых мамаш с маленькими детьми – от совсем грудных младенцев до ясельников (это в наши-то времена серьезного демографического спада) и невероятное, просто поразительное количество собак – не уличных бродячих разносчиков инфекций и хранителей помоек, а нормальных домашних, тех, что гуляют с хозяевами, проживают и питаются в хозяйских домах и квартирах.

Собаки были весьма разнообразны: крупные и не очень, короткошерстные и лохматые, породистые и не то чтобы. Однако уверенно преобладали среди них собаки так называемых «бойцовых» пород – бульдоты и американские стаффордширские терьеры. Я их сразу узнавал, потому что бульдота, ушастого свиноподобного крепыша, ни с кем нельзя было перепутать, а амстафф жил у моего соседа в Самаре. Этот молодой кобель по кличке Бой был весьма добрым и общительным малым, однако впечатлял своим умением легко и быстро перегрызть

ствол дерева толщиной в ножку обеденного стола, а также победами в случайных уличных поединках с разгуливавшими без поводка ротвейлерами и догами.

В общем, по первому впечатлению, город меня вполне устроил, работа обещала быть небезынтересной и давала надежду успешно проявить себя. На этой оптимистичной ноте я, затушив сигарету в пепельнице, организованной в лучших традициях Зосимыча из пустой стеклянной банки, отправился спать.

4

Утро окатило свежестью и бодростью, едва только я распахнул двери подъезда, покрытые облезшей краской десятилетней давности, и вырвался из затхлого, тяжелого смрада плохо убираемого, пыльного и сумрачного общественного, а значит, ничьего помещения. Улица встретила меня, унылого жителя города-миллионника, неожиданно чистым, тягучим и одновременно сказочно легким, какой бывает, наверное, только родниковая вода, воздухом, и резко бьющей в глаза, просто шокирующей с непривычки белизной выпавшего за ночь снега.

Я, с детства не особенно склонный к спорту, а потому манкировавший зарядками, пробежками и обтираниями на морозе, посмотрев на часы пейджера, ужаснулся и припустил на работу с такой скоростью, что аж дыхание перехватило. Подошвы хрустели по новенькому, еще не расчищенному и мало растоптанному снегу. Поминутно проваливаясь и черпая его ботинками, когда нога торопливо проскакивала мимо утоптанного пути, я добродушно матерился вполголоса и напевал что-то, как будто само хорошее моё настроение выплескивалось через край.

Вот и вчерашний пустырь, показавшийся спасительным в свете огней микрорайона и обилия собачников. Сегодня он был удручающе пуст и скучно белёс. А мрачный и жутковатый в вечернее время парк, с утра, наоборот, радовал красотой пушистых веток укрытых снегом деревьев, пробивающимся сквозь скопления облаков солнцем, отражающимся миллионами огоньков на солидных, как ватная борода школьного деда Мороза, сугробах и голосами молодых мамаш, прогуливающих вдоль аллеи с колясками, или же неспешно волокущих за руку плотно укутанных во множество одежных слоев бутузов-малышей.

Кабинет выглядел так, будто я вчера никуда и не уходил: всё тот же пыльный сумрак, всё тот же Денис Зосимыч с резко пахнувшей сигаретой, всё та же полная окурков банка на столе перед ним. Единственное новшество, которое я сумел разглядеть, когда глаза привыкли к полумраку, вместо старушки с «кош... шками» на давешнем стуле восседал маленький, увенчанный лохматой шевелюрой мужчина кавказского типа внешности, с которым Зосимыч перед моим появлением вёл оживленный разговор.

– ... адцать штук целых, ты представляешь... – оборвал тираду кавказский мужчина.

Собеседники, замолчав, уставились на меня. Зосимыч, пользуясь моментом, вытащил и раскурлил очередную ароматнейшую сигарету.

– Вот, Альберт Артурович, познакомься, следовательно тут, новый наш, Виноградов Серёга, – радостно забубнил Зосимыч.

– Очень рад, будем знакомы! – Альберт Артурович поднялся со стула.

– С кем имею честь? – вежливо под стать собеседнику, но всё же слегка нагломерно осведомился я, пожав руку.

– Баграмян, заместитель прокурора Средневолжского района Самарской области, – Альберт Артурович не обратил никакого внимания на моё нахальство, глаза его продолжали смотреть с доброжелательным интересом: – Откуда к нам? Что заканчивал?

– Самарский госуниверситет, – я тоже принялся без тени смущения разглядывать Баграмяна. На вид однофамильцу маршала, дважды Героя Советского Союза Ивана Христофоровича Баграмяна было лет тридцать – тридцать пять, очень невысокого роста, субтильный, на голове копна черных волос, аккуратно, впрочем, уложенных. Из-под густых бровей весело поблескивают умные глаза, подбородок и щеки выбриты до синевы. В отличие от всех остальных работников прокуратуры, включая меня, Альберт Артурович носил прокурорскую форму ярко-синего цвета.

– Раз недавно закончил, видимо, гражданское право хорошо знаешь? – поинтересовался Баграмян. – Поехали со мной, поможешь!

Я вопросительно посмотрел на Зосимыча, тот подмигнул и, как всегда, уставился в какие-то свои бумаги. Что ж там такого интересного пишут, подумалось мне.

– Хорошо, только один звонок сделаю.

Заместитель прокурора кивнул.

Вчерашний хриплый голос сообщил, что искомые оперативники уже опять убыли на задание, я подхватил со стола брошенную туда пять минут назад пачку сигарет и вышел вслед за Баграмяном из кабинета. Пару минут спустя Альберт Артурович, уже облаченный в длинное темное пальто, повязанное ярко выделяющимся на казенном фоне остальной одежды белым шарфом (отчего заместитель прокурора стал похож на участника занудной юмористической телепрограммы «Джентльмен-шоу»), вышел из подъезда и, махнув рукой мне, курившему в ожидании, направился к автостоянке.

Площадка для парковки была заставлена самым разнообразным транспортом – от милицеских «бобиков» и служебных «волг», до личных «девяносто девярых», новомодных «десяток», и даже пары не сильно подержанных иномарок. «Интересно, какая из них Баграмяна...» – едва успел подумать я, как к моему величайшему удивлению, заместитель прокурора направился к скромно стоявшему на краю стоянки красного цвета «запорожцу». На какой-то момент я даже подумал, что это шутка, но Баграмян развеял мои сомнения, изящно приоткрыв дверь комичного автомонстрика и, подобрав полы пальто, уселся за руль. Нет, я не в коем случае не сноб, мне это даже показалось забавным и, пряча улыбку, я водрузился на сидение рядом.

– Машина моего тестя, – улыбнулся в ответ Альберт Артурович, – я что-то никак на свою не накоплю, – Баграмян завёл мотор и с оглушающим округу тархтением мы отправились в путь.

За окном быстро ставший привычным деревянно-серый пейзаж одноэтажных строений сменился промышленной зоной, а потом снова возобновили свой бег низко посаженные под большими крышами, и оттого похожие на грибы домики за заборами все того же унылого цвета некрашеной древесины. У калитки одного из таких сооружений остановил своего верного «ушастого» коня Баграмян. Мы вышли из машины, и заместитель прокурора постучал в калитку. Залаяла собака во дворе, ей моментально откликнулись товарки с соседних участков. Женщина средних лет, кутаясь в серый пуховый платок, вышла на крыльцо и, услышав, что мы из прокуратуры, загнала собаку в будку, после чего пригласила нас в дом. В комнате за небольшими сенями стоял тяжелый запах перегара, у стены на железной панцирной кровати, подперев тяжелую голову руками, восседал крупный мужик, явно страдающий с перепоя.

– Опанасенко! Почему вы не являетесь в прокуратуру по повесткам? – строго спросил Баграмян. – Хотите неприятностей? Мы вам их устроим!

– Не надо неприятностей, гражданин начальник, – прогудел мужик, – приду сегодня. Сейчас вот оклемаюсь малёхо и притопая к вам на Ленина.

Адрес РОВД и прокуратуры был проспект Ленина, дом 113.

– Ну смотрите, Опанасенко, я предупредил. Лучше вам меня не подводить. Если не явитесь до часу дня, пришлю за вами наряд милиции и будем штраф административный оформлять. Распишитесь в получении повестки.

Баграмян явно покривил душой – у прокуратуры не было полномочий назначать штрафы. Он мог только возбудить административное производство и направить дело далее по подведомственности. Но, понятное дело, господин Опанасенко, и будучи трезвым, вряд ли разобрался в тонкостях закона, а уж сейчас ему и подавно было не до того. Забрав бумажку с невразумительной опанасенковой закорючкой, Баграмян посмотрел на печальную женщину, впустившую нас и теперь безмолвно присутствовавшую при разговоре, как бы призывая её в свидетели, и буркнув: «До свидания», направился к выходу. Я недоумённо последовал за ним.

На обратном пути я все же поинтересовался:

– А при чем здесь было гражданское право?

Взгляд Баграмяна опять стал хитрым. Он улыбнулся и ответил:

– Спасибо тебе, что помог, я один опасался ехать, видал, какой бугаище? В пьяном гнев вообще страшен, повезло нам, что он с бодуна. Я хотел Дениса позвать, но он предложил взамен твою кандидатуру, как более крепкого физически человека.

Я мысленно поблагодарил Зосимыча, надеюсь, ему икнулось, и спросил опять:

– А почему не дали поручение милиции?

– Ох, этих пока найдёшь, да пока допросишься. И ведь могут не поехать – напишут рапорт просто, что дома не было человека. Быстрее и надёжнее всё сделать самому, – вздохнул зам-прокурора.

– Да уж, – согласился я, – тоже вот не могу второй день оперов застать на месте. Надо опросить по материалу одному, а они всё время на задании.

– Э-э-э! – улыбнулся Баграмян. – Ты неправильно делаешь... Надо тебе подняться к ним самому и тогда наверняка застанешь, но на их территории лучше не опрашивай, борзеть будут, ты молодой и пока для них не авторитет. Поднимись, пригласи к себе, а если не придут, начальнику РОВД позвони. Но придут наверняка.

– Спасибо, попробую, – я уже перестал злиться, что был без спроса задействован в качестве живой силы и тоже улыбнулся.

Уже подъехав к «базе» и выйдя из машины, Баграмян вдруг спохватился:

– Ах да, я же и правда хотел спросить у тебя насчёт гражданского права! Тут вот какая проблема. Вопрос по наследству...

5

– Зосимыч, ты из кабинета когда-нибудь вообще выходишь? – поинтересовался я, вернувшись на рабочее место и сняв куртку.

В коридоре меня уже ожидали посетители, вызванные накануне для допросов по безнадежным делам, принятым вчера к производству. Набрав по телефону номер уголовного розыска, я узнал у своего хриплого друга, что оперативники до сих пор не вернулись, и принялся за работу. После обеда, закончив со свидетелями, и вспомнив совет своего нового знакомого Баграмяна, я отправился в соседнее крыло, поднялся на второй этаж и, предварительно постучав для приличия в дверь, заглянул в кабинет, указанный мне дежурным. Вечно занятые срочными заданиями оперативники в этот раз на удивление были на месте.

Старший оперуполномоченный Выхин оказался высоченного роста мужчиной с широкими плечами и огромными руками, голова его была выбрита наголо, а крупные черты и суровое выражение лица, по-видимому, призваны были вселять ужас в криминальный элемент. Оперуполномоченный Мельников предстал эдаким сельским красавчиком, стройным брюнетом с вьющимися волосами, спадающими на лоб заливчатской челкой, глубоко посаженные карие глаза словно сверкали удалью и бесшабашностью. Еще бы гармонь ему в руки, подумалось мне. Выхина звали Дмитрий, Мельникова – Николай. Мельников выглядел моим ровесником, возраст Выхина определить было невозможно, с равной долей вероятности ему могло быть и двадцать пять, и сорок пять лет. В довершение ко всему, Выхин имел глухой хриплый голос точь-в-точь как тот, что отвечал мне по телефону.

Ну уж нет, этот номер со мной не пройдет.

– Послушайте, Дмитрий! – строго сказал я (свои отчества оперативники не назвали). – Зачем вы изволили валять дурака и два дня по телефону уверяли меня, что вас с Мельниковым нет на месте? Что это еще за детский сад?

Выхин насупился и отвернулся к окну, отчего стал похож на школьника, которому поставили незаслуженно низкую, по его мнению, оценку. Мельников подскочил и заговорил быстро, нараспев:

– Ну что вы, това-а-рищ следователь! Вы пройдите-ка во-он к тому столику и трубочку то сымите!

Я подошел к столу в углу комнаты и снял трубку телефона, Мельников же поднял трубку на ближайшем к нему столе. «Але, ал-ле! Слуша-ю ва-а!» – пропел он в трубку, а моя, параллельная, повторила все то же самое глухим и хриплым голосом в точности таким, как у Выхина. Потом ту же процедуру вслед за Мельниковым проделал третий находящийся в кабинете оперативник по имени Гриша. Эффект был аналогичный.

– Это я вам отвечал, – потупившись, басом произнёс Гриша, – не было их. Правда!

– Ладно! – я почувствовал себя в глупом положении. – Извините меня, показалось. Жду вас у себя в кабинете сегодня в пять часов. И, пожалуйста, без опозданий.

Постаравшись не смутиться окончательно, я покинул кабинет на плохо гнувшихся ногах и поспешил к себе.

– Адвокатша тут звонила вчерашняя, спрашивала, что и как, – сообщил Зосимыч по моему возвращению, и тут же без всякого перехода поинтересовался. – Ну как тебе наш Баграмян?

– Нормально вроде, вежливый.

– Грамотный мужик. Во всех смыслах, етима. Следователем пятнадцать лет отпахал. Зампрокурора второй год работает. В уголовном праве, в квалификации, что наш зампотех армей-

ский в гайках, а тот любой диаметр на глаз определял. И в русском языке тоже сильно грамотный, не раз мне ошибки в постановлениях находил, – Зосимыч призадумался о чём-то своем.

Я не стал отвечать. Пытался собраться с мыслями, через час предстояло опросить «сладкую парочку» оперативников (фраза из рекламы, а не то, о чём вы могли бы подумать). Чувствуется, мамаша-адвокат настроена серьёзно, а значит, материал надо отработать так хорошо, как это возможно: грамотно, качественно и в срок. Ах, твою мать! Я совсем забыл, сегодня же истекает срок по безнадежным уголовным делам и по материалу о возможном нарушении техники безопасности. По уголовным делам я хотя бы произвёл несколько допросов и мог вынести на скорую руку постановление о приостановлении производства, а вот с материалом ситуация обстояла хуже – не успел сделать совсем ничего. Я схватил нужную папку и помчался к прокурору.

– Плохо это, очень плохо. Плохо это. Очень, – отозвался Валентин Степанович на мои объяснения. – Что ж ты, Сергей, надо было всё бросать и заниматься этим вопросом.

– Да когда мне им было заниматься, Валентин Степанович? Я ведь вчера только принял дела.

– Ну, допустим так. Что предлагаешь? – тихо строгим голосом спросил прокурор.

– Вообще, есть одна мысль. У нас на практике так делали в Самаре.

– Закон нарушать не дам, – брови прокурора Бугаева сошлись на переносице.

– Что Вы, Валентин Степанович, кто же вам предлагает закон нарушать! – почти закричал я, с показавшимся самому себе несколько театральным возмущением. – Я вынесу постановление об отказе, вы отмените, а постановление о возбуждении уголовного дела выносить не станете. Закон о таком случае умалчивает, а у меня будет еще десять дней. Конечно, наша кафедра уголовного процесса такую практику не приветствует, но где мы, а где кафедра.

– Нет, так не годится, – в голосе прокурора, однако, прозвучало некоторое сомнение.

– Да почему, Валентин Степанович? В любом случае, я сегодня не успею вызвать для опроса людей, пока позвоню, пока они придут, а у меня Выхин с Мельниковым на пять часов вызваны по материалу о сыне адвоката.

– Ну, добро, Сережа, – вздохнул прокурор, – выноси, но чтобы сегодня до конца рабочего дня постановление было у меня на столе, вместе с материалом.

– Будет сделано, не сомневайтесь!

И я умчался в срочном порядке печатать постановление, впрочем, особо не переживая. Писать заведомо плохой документ всегда намного проще, чем нормальный.

В пять часов вечера, минута в минуту, пришли на опрос оперативники, но в связи с новыми обстоятельствами пришлось продержать их в коридоре двадцать минут. Думаю, они сочли меня за жлоба.

«Следователь прокуратуры Средневолжского района Самарской области Виноградов Сергей Егорович отобрал объяснение от старшего оперуполномоченного отдела уголовного розыска РОВД Средневолжского района Самарской области Выхина Дмитрия Алексеевича, 1967 года рождения, уроженца...»

...По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее...»

По существу заданных ему вопросов Выхин отвечал односложно и сдержанно. На некоторые из них вообще молчал или неопределенно пожимал плечами. Содержательная часть его пояснений сводилась к тому, что подробностей он не помнит, физического или психического давления ни на кого не оказывал вообще никогда, а остальное он, как уже говорил ранее, не помнит. Все мои попытки разговорить оперуполномоченного, а также объяснить, что эта информация необходима не лично мне или прокурору, а для вынесения правильного и обоснованного решения, не возымели никакого эффекта. Выхин по-прежнему молчал, сурово глядя на меня из-под тяжелых надбровных дуг своего бритого черепа, зажав где-то между коленями

огромные руки и опустив плечи. Вся его поза уверенно заявляла собой: «Хоть режьте, хоть бейте, больше ничего вам не скажу». Испытывая огромное желание плюнуть на эту партизанскую позицию, возбудить уголовное дело, и уже в рамках его разбираться, было ли действительно совершено преступление или нет, я отпустил старшего оперуполномоченного восвояси и закурил.

Должен сказать, правовая концепция, утверждающая, что сначала надо возбудить уголовное дело, а разбираться уже в ходе его процессуальных действий, активно поддерживалась некоторыми профессорами правовых кафедр России, в том числе и моим научным руководителем диплома. В ней были свои определенные резоны, так, скажем, рассмотрение материалов по сто девятой статье для принятия решения о возбуждении уголовного дела, или отказе в таковом имело очень мало средств для сбора материала. Ну вызвал я, допустим, людей, ну опросил их, но они при этом не являются участниками процесса, а значит, откажись они давать объяснения, или наври мне, ответственности у них никакой. Кроме того, пока рассматривается этот материал, можно производить только отдельные следственные действия, то есть множество доказательств может быть безвозвратно утеряно. А если требуется запросить большое количество документов, привлечь специалиста для исследования узкопрофильного вопроса, провести ревизию, то как здесь уложиться в установленные процессуальные сроки: три дня, а в исключительных случаях десять?

Однако вынужден признаться, я эту позицию не разделял, ведь не секрет, что у нас в России отношение людей к человеку, который попал в поле зрения правоохранительных органов, далеко не объективно.

«Раз спрашивают, значит, виноват», «дыма без огня не бывает», «то ли он украл, то ли у него украли, но что-то неприятное там было», – вот далеко не полный перечень поговорок, которыми руководствуется народная молва. Следовательно, я должен, просто обязан приложить все усилия, чтобы если уж возбуждать уголовное дело, то по серьезным к тому основаниям, а не подвергать попусту человека нервотрёпке, процессуальным мерам пресечения, финансовым расходам на оплату услуг адвоката или ставить его репутацию под сомнение среди знакомых, коллег и даже соседей по дому. Поэтому с ещё большим усердием я приступил к опросу второго оперативника.

Николай Петрович Мельников, оперуполномоченный, двадцати трех лет, не женат, оказался куда более разговорчивым и свои объяснения давал в дружеско-панибратской манере. Наверное, сказывалась близость наших возрастов, а может быть, отсутствие в кабинете Зосимыча, который впервые за два дня куда-то волшебным образом подевался, бросив на произвол судьбы свои нескончаемые документы и банку с окурками.

– Понимаешь, этот Антон Скрябин нам давно известен. Кличка у него – Корявый. Живет в поселке Нефтяников за сто двадцать километров отсюда. Имеет условно два года за угон. Сюда они специально с подельником приехали на подельниковой «Ниве». Утром в семь часов подъехали к офису сбербанка, там этот Корявый машину директора филиала вскрыл, ну а мы с Выхиным в теме были, «десятка» -то новая, знали, кто навёл, и дату угона знали. Ну мы его прямо в тачке и хлопнули, ну, то есть, задержали, значит. Он там сидел, замок зажигания уже разобрал и ложкой машину пытался завести, есть у них, угонщиков, такой метод. Ну он, естественно, бежать, ну мы его мордой... то есть лицом на капот положили. Напарник его уехал, конечно, соскочит, понятное дело, доказательств никаких, мы и задерживать не стали, Скрябин не дурак на себя групповое преступление вешать, ну и одного его слова мало будет для суда-то. Ты сам посуди, на кой нам его бить-то, или пугать, когда его с поличным взяли прямо в тачке-то. Нету никакого смысла, ну! – Мельников немного нервно пригладил непослушный кудрявый чуб.

– Когда привезли в РОВД, что потом было?

– А что потом, оформили по всем правилам и поместили в камеру временно задержанных.

– Запись в журнале у помощника дежурного есть? Я ведь проверю.

– Проверяйте, ваше право, – от волнения Мельников в разговоре периодически переходил то на «вы», то на «ты». Вероятно, не мог взять в толк, как себя вести с новеньким и молодым прокурорским «следаком».

– Потом что было, допрашивали его?

– Нет, на фига он нам сдался, следователя ждали нашего.

Угоны относятся к подследственности милиции, и этими делами занимаются следователи органов внутренних дел.

– Что, неужели даже побеседовать с задержанным не хотели, информацией какой-нибудь разжиться, с пылу с жару, так сказать?

Мельников посмотрел на меня уже по-другому, если не с уважением, то, по крайней мере, как на человека понимающего, но отрицательно покачал головой:

– Ну, чего там было говорить с ним, мы ж его знаем как облупленного, и что мамаша его адвокатша, чуть что, такой хай ведь поднимет, ну! Связываться – себе дороже.

Это было больше похоже на правду, чем гуманность и мягкость нашей доблестной милиции и звучало вполне убедительно. Я дал прочитать листок с объяснением оперативнику, он расписался, указав, что с его слов записано верно и им прочитано, после чего мы распрощались, и я вызвал для дачи объяснений самого виновника торжества, любителя чужого автотранспорта, гражданина Антона Корявого Скрыбина.

6

Антон Скрыбин был неприятным пареньком. Длинные сальные волосы, бугристая кожа, обильная россыпь прыщей вдоль щёк, тонкие руки с грязными длинными ногтями, выражение лица довольно противное. Явно трусоватые повадки, мямлящий голос, в общем, типичный маменькин сынок, к тому же, возможно, наркоман, я в этом не особо разбирался, не смотря на повальную моду на «кислоту» среди моих ровесников всю вторую половину девяностых годов. Теперь вроде как эта мода уходит, ну и слава Богу! Было совершенно непонятно, как подобный тип мог заниматься таким рискованным и технически не самым простым делом, как воровство чужих автомобилей, да ещё, судя по судимости, не в первый раз, ну ладно бы магнитолы выдергивал, воистину, чужая жизнь, как и чужая душа – потёмки.

Хотя протоколы, содержащие показания и объяснения по правилам криминалистики требуется заполнять по возможности близко к словам опрашиваемого, мне пришлось существенно отредактировать убогую и невнятную речь задержанного по подозрению в автоугоне.

«По существу заданных мне вопросов могу пояснить следующее: 31 января этого года в 7 утра я вышел из дому и, остановив в посёлке автомобиль «Нива» с водителем, ранее мне не знакомым, отправился в Средневожск, чтобы там погулять. Под словом «погулять» я подразумеваю провести время без определенных целей и занятий. С собой у меня был перочинный ножик на всякий случай и ложка, чтобы есть йогурт, который я намеревался купить в Средневожске. Также с собой я имел пачку сигарет и ключи от дома. Никаких других предметов и денег у меня при себе не было. Приехав на улицу, названия которой я не знаю, потому что в Средневожске был впервые, я распрощался с водителем и вышел. За услуги я водителю «Нивы» не платил, познакомился с ним пока ехали, и пообещал потом как-нибудь отблагодарить. Каким транспортом собирался возвращаться домой, не думал, мог бы, наверное, остановиться попутку на трассе.

Проходя мимо здания сбербанка, я увидел стоящий на стоянке автомобиль ВАЗ 2110, фиолетового цвета. Замок на водительской двери был взломан, я решил залезть в машину, чтобы прикурить там сигарету от прикуривателя. Когда я находился в машине, меня задержали сотрудники милиции, как я узнал впоследствии, оперативники Выхин и Мельников. Во время задержания я не пытался убежать и говорил, что я не виноват, но ко мне всё равно применили физическую силу, выразившуюся в нанесении мне нескольких ударов по голове. Потом меня привезли в отделение милиции, где не помню в каком кабинете, Выхин и Мельников ещё раз избили меня руками, ногами и резиновыми дубинками по лицу, голове и спине. Также они мне угрожали, что убьют. Под физическим воздействием и угрозами, я подписал показания, что хотел совершить угон автомобиля. Через пару часов в отделение приехала моя мама – адвокат Скрыбина, и, увидев мое состояние, вызвала скорую помощь. Врачи осмотрели меня и уехали, сделав укол. Следов от побоев на моем лице и теле никто не фиксировал, а сейчас они уже прошли.

Прошу наказать людей, заставивших меня признаться в том, чего я не делал».

Последнюю фразу Скрыбин дописал собственноручно, после чего расписался и отправился обратно в камеру, где находился уже в статусе обвиняемого в покушении на угон автотранспортного средства. В целом ситуация мне стала мне вполне ясна. Но, чёрт возьми, теперь еще скорая помощь фигурирует в материале. Почему же менты ничего о ней не сказали, сейчас уже девять вечера, когда мне писать запрос, выяснять, кто из врачей дежурил, ловить их, опрашивать? Завтра уже третий день, когда проверка должна быть окончена, если случай «не исключительный», а мне очень хотелось закончить её в срок, который установлен законом как нормальный. В конце концов, не я же писал закон, мне его только исполнять. Маленькая надежда, что Скрыбин врёт насчет вызова скорой помощи, рассеялась, когда я проверил

журнал у дежурного. Вызов был зафиксирован. Ну что ж, будем, как говориться, искать. Вот только время было уже совсем позднее, меня ожидала невесёлая прогулочка по парку, пельмени, местное пиво и занудство будничных телепередач. Займусь докторами завтра, решил я и покинул слегка сиротливый без неизменного Зосимыча за столом, кабинет.

Мне повезло, смена, которую вызывали к Скрябину, отдежурила сутки накануне и сменилась в пятницу, вот почему уже в семь утра следующего дня я был на станции скорой помощи и мучил опросами утомлённый «экипаж». К общей радости, за ночь срочных вызовов по Средневожску не было, что не очень удивительно, городок-то небольшой, и, соответственно, мои «клиенты» выглядели больше не выспавшимися, чем физически усталыми.

Врачи были как две капли воды похожи на тех, с которыми мне приходилось сталкиваться, проходя практику в Самаре: говорили неохотно, опасаясь, что их будут пытаться привлечь к ответственности по жалобам на некачественное лечение или неоказание медицинской помощи, потому в основном упирали на описание собственных действий и их соответствие врачебным инструкциям, а также предписаниям медицинской науки. Впрочем, они помнили прекрасно, как тридцать первого января ездили на вызов в РОВД, где какая-то полная женщина билась в истерике, крича, что у её сына сердечный приступ, и что его довели милиционеры. Врачи скорой измерили обоим давление и пульс, у парня всё было в порядке, у женщины по возрасту и весу давление немного увеличено. Для профилактики сделали им обоим инъекцию витаминов и лёгкого успокоительного, а женщине дали под язык валидол. Оснований для госпитализации не было, да и не могли они увезти задержанного по уголовному делу в обычную городскую больницу. Про избиения или какие—либо другие виды физического, а также психического воздействия никто при них разговоров не вёл. Последствий побоев на лице и теле пациента они не видели. Если бы таковые имелись, а тем более свежие, обязательно задали бы ему вопрос – откуда, и зафиксировали бы этот факт при осмотре.

Ну вот, теперь я мог с чистой совестью выносить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, уложившись, заметьте, в требуемые законом три дня. «Да что вы мне говорите! Нелюди! Хоть капля совести у Вас есть!...» – примерно так будет вопить адвокатша Скрябина, э-э-эх, бедные мои нервы, надо бы ещё сигарет купить. Одолеваемый невесёлыми мыслями, шагал я вдоль ставшей уже привычной за три дня аллеи парка, направляясь на «базу» после утреннего посещения станции скорой помощи. С неба опять валил снег.

В нашем кабинете оказалось людно: Зосимыч восседал за своим антикварным произведением мебельного искусства, попыхивая очередной едкой сигаретой, напротив него на неведомо откуда взявшемся казенном советских времён кресле с рваным на спинке дерматином, заклеенном скотчем, сидел милицкий майор, а на пыльном стуле у стены устроилась давешняя знакомая старушка, на этот раз с сумочкой вместо стопки уголовных дел на коленях. Старушка как в прошлый раз дремала, в комнате дым стоял плотной стеной и шёл разговор на повышенных тонах.

– Етить-колотить! Я тебе что, салага? Карасик неразумный? – кипятился Денис Зосимович. – Не надо мне баки забивать, Юра! Если виноват, пусть отвечает! Вот и вся любовь!

– Денис, Дени-и-ис! Не гони лошадей, ну ты же знаешь Мерецкова, отличник милиции, на хорошем у нас счету, сколько рецидивистов задержал, сколько преступлений раскрыл.

– Он что, угрозыск, чтоб преступления рас-крыва-ать?! – уже почти перешёл на медвежий рёв тщедушный Зосимыч. – Он у тебя где работает?! В Мо-О-оБ! Ми-ли-ции об-щес-вен-ной бе-зо-пас-нос-ти. По буквам тебе говорю, мэ, о, бэ! «Бэ» – это бе-зо-пас-нос-ти! А он чего устроил тут? В ногу человеку из автомата засадил! Это что тут, безопасность что ли?

– Он оборонялся, тот человек первым на него кинулся!

– Он у тебя милиционер или стрелок вольный, что-то я не врубаюсь! Кроме очереди автоматной других способов защиты не нашёл?!

– Ну ты же знаешь, Денис, он низенький у нас, а тот бугай был, а Мерцков при исполнении. А если бы тот бугай оружие служебное отнял, тот же автомат, что бы ты тогда говорил, тельняшка прокурорская? Имеет право сотрудник милиции защищаться от нападения, я тебя спрашиваю, или у нас права только за бандитами да ворами закреплены? – майор посмотрел на меня и, видимо, решил привлечь в разговор. – Вот вы как полагаете, молодой человек?

– Ну-у-у, в принципе, Закон «О милиции» и Кодекс Уголовный позволяют считать... – начал я неуверенно.

– Серега, ты не лезь! – строго перебил меня Зосимыч. – Не надо этого баклана, – тут очевидно подразумевалось «хулигана», – выгораживать. У него тут не первый случай уже.

Я пожал плечами, замолчал и принялся разбирать свои бумаги. Разговор в кабинете как-то затих сам собой. Зосимыч затушил свою вонючку и принялся наливать заварку из чайничка невесть как оказавшегося у него на тумбочке, демонстративно уставившись в окно. Майор встал и принялся подводить черту дискуссии:

– В общем, я тебе всё сказал, ещё разговаривать с тобой, Алексеев, будет конечно и Белозерский, – я уже знал, что это начальник районного отдела милиции, – и прокурор тебя вызовет, скорее всего. Белозерский сегодня уже у него был. Так что не надо лучше удила-то закусывать... До свидания!

Развернувшись, он быстро проследовал к выходу, подмигнул мне на ходу и хлопнул дверью.

– Ишь ты! – мрачно сказал Зосимыч, наливая в чашку кипятка. – Серега, ты как, чай будешь?

– У меня чашки нет, всё собираюсь прикупить, да не успеваю в магазин.

– Ничего, найдем какую-нибудь тут.

– Только не из вещдоков!

Зосимыч засмеялся, стало понятно, что тучи развеялись.

– Это Кондурин был, заместитель Белозерского, Юрий Ефимович. МОБ – его епархия. Вот и бегают, выгораживают своих. А они только борзеют от этого. Вон уже до огнестрела дело дошло, совсем нюх потеряли!

– А как это случилось то?

– Да как! Усиление у них тут было. Антитеррор. Ну и поставили этого Мерцкова в патруль к гаишникам, с автоматом. Он при проверке документов сцепился с водителем каким-то и в ногу ему очередь дал. Рембо, итима! Все одно не посадят. Белозерский не захочет сор из избы выносить, а он с прокурором нашим вась-вась, договорятся конечно. Но хоть нервы этому хмырю помотать, чтобы неповадно было другим разом на людей кидаться.

7

Зосимыч, отдуваясь, прихлёбывал крепкий чай и выглядел уже совершенно мирным старшим следователем. Опустив чашку на стол, он выразительно посмотрел на календарь.

– Сегодня пятница, между прочим, – сообщил он доверительным голосом и хитро прищурился.

– Так, я готов, – улыбнулся я, – позовём кого-нибудь?

– Кого? Прокурора? – съехидничал Зосимыч. – Баграмян не пьёт. А больше и нет никого. Ментов привечать не будем сегодня, провинились, два материала за неделю на них.

Хотя мне и доводилось видеть прокуроров, которые не чурались за столом общества подчинённых, но тут был явно не тот случай. Я пожал плечами – мне, мол, всё равно, и мы принялись собираться.

Зосимыч предлагал устроиться прямо у нас в кабинете, всё равно, мол, в пятницу вечером никого уже не принесёт, хотя и оговорился, что наш прокурор не любит пьянства на рабочем месте даже во вне рабочее время. Вторым вариантом он, на правах аборигена, предложил «уютненький такой пивбарчик» в «Старом городе», оказавшийся жуткого вида забегаловкой «наливайкой», где в крохотном помещении за узкой стойкой теснилось человек пять работяг ханжного вида, а у стены притулились три столика, за которыми можно было стоять, чудом избегая соприкосновений с не слишком чисто плотными посетителями. В общем, этот вариант я тоже забраковал и поинтересовался, нету ли в светлом граде Средневожске мест поприличнее, где два благопристойных джентльмена могли бы отметить скромное событие.

– Дай-ка подумать... «Чайку» на ремонт закрыли, забодай их кальмар. В «Ландыше» тебе тоже не понравится. Лучше всего, конечно, в «Олимп», но там сильно дорого. Может, в парк пойдём?

В парке на морозе пить совсем уж не хотелось.

– Пошли в твой «Олимп», поглядим что почём, как богатые живут.

– А пошли, – согласился Зосимыч, которому тоже явно надоело выбирать, – но только водки возьмем с собой, а то разоришься тут. Что они нам сделают? На крайний случай, у нас «ксивы» есть!

Мы купили бутылку водки, пару пачек сигарет и направились в места обитания местного бомонда.

«Олимп» оказался сооружением, именуемым модным нынче понятием «спортивно-развлекательный центр», находящимся на окраине района «блочек». Исторически это был обыкновенный стадион советских времён, называвшийся в лучших традициях: «Ударник», помещения которого были отремонтированы, и в них разместились современные игровой и тренажерный залы, сауна, а также просторное уютное кафе-бар с высокими кабинками, обитыми дерматином, где посетители могли размещаться в комфорте и относительном уединении. Я купил пива, какой-то немудреной закуски, ещё триста грамм водки, чтобы не расстраивать бармена, и мы устроились в одной из кабинок.

– Ну как дела с избиенным адвокатским сыном? – поинтересовался Зосимыч, когда мы лихо махнули по рюмке и запили горькую янтарным душистым свежайшего разлива пивом из кружек. Зосимыч, смущаясь, попросил разрешения курить мои сигареты, «чтобы не вонять „Примой“ в приличном месте», я ехидно поинтересовался, почему он не считает таковым наш кабинет, на что получил ответ, что кабинет есть место рабочее и всё там должно быть устроено согласно комфорту. Сигарет мне, конечно, было не жалко, и Зосимыч принялся курить «Винстон», предварительно обламывая фильтр, дабы «не убавлять табаку крепкости».

– Дела у прокурора, – отмахнулся я, – у нас материал. Отказ написал сегодня.

– Орать будет женщина, – нахмурился мой сосед, коллега, а теперь и собутыльник.

– Будет. Пусть орет. Слушай, а зачем бабуся опять приходила? – я вспомнил, что совершенно упустил момент, когда же старушка покинула кабинет. Ну не оставили же мы её там в конце концов.

– Документ принесла на кошек, – вздохнул Денис Зосимович, и в голосе его послышалась безысходность.

– Техпаспорт? – пошутил я.

Зосимыч без тени улыбки вынул из нагрудного кармана сложенный вчетверо листок старой пожелтевшей бумаги, на котором каллиграфическим почерком крупными буквами было выведено следующее:

«Кошки. Количество 2 шт. Пропали приблизительно в конце августа – начале сентября 1999 г.

Рыжей с белым масти, не густа в шерсти, глаза желтые. Кличка: Клеопатра.

Пятнистой трехцветной масти, пушиста в шерсти, глаза зеленые. Кличка: Дина.
НАШЕДШЕГО ЖДЕТ СЕРЬЕЗНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ!»

Грех, конечно, было смеяться над пожилым человеком, но я, каюсь, расхохотался и чуть не опрокинул кружку с пивом. Хорошо, что кабинки высокие и меня в этот момент не видели другие посетители кафе. Зосимыч теперь тоже улыбался в усы.

– А ты что думаешь делать с материалом на ментов? – спросил я скорее из вежливости, чем из любопытства.

– А не знай, время ещё есть, поглядим тут. Может и возбужду уголовное дело, шоб их пострадать малёхо. Толку, правда, особого нет. Замнёт прокурор, нутром чую, замнёт. Хорошо хоть у этого папы-адвоката нету, – Зосимыч опять улыбнулся и принялся рассказывать. – Работал тут у нас в городе с год назад один адвокат, забодай его кальмар. Что интересно, из судебных. Уж не знай, за что его попёрли тут, говорил, вроде как сам ушёл в адвокаты. Так вот, он, адвокат этот, тут не одного дела не выиграл, представляешь?

Я кивнул, затянулся сигаретой, а Зосимыч, неторопливо смакуя, отхлебнул пивка и продолжал:

– Не очень умный мужик, хотя и взрослый. На допросах вечно тут глупости какие-то спрашивал, замечания всегда на протокол писал бестолковые. Однажды совсем заколебал он меня и я, значит, его спрашиваю, мол, что же ты ни одного дела-то не выиграл, совесть, дескать, не мучает вас, мужчина? А он мне отвечает: «Зато никому по моим делам не вынесли смертный приговор!» Каково, а? Это при том, что на смертную казнь давно мораторий наложен!

Я засмеялся и опять чуть не опрокинул кружку, взмахнув руками.

– Не мораторий, Зосимыч, а запрет к применению.

– Да какая разница, – мой напарник налил рюмки и торжественно произнес: – Ну, за юриспруденцию! Кратко будем, как генерал в кино говорил.

– А может за морскую авиацию?

– За неё отдельно, стоя!

– Тогда и за юриспруденцию стоя!

Я встал и, пока Зосимыч поднимался, окинул взглядом полутёмный зал кафе. Некоторых посетителей, сидящих в кабинках, было хорошо видно, и я с удивлением отметил, что, хотя в Средневожске нахожусь всего третий день, кое-какие лица мне уже знакомы. Вон сидит в кампании симпатичная светловолосая девица – продавщица из гастронома, что напротив нашей прокуратуры, а от барной стойки отходит с бокалами какого-то коктейля мужчина в дорогом кожаном пиджаке, мой сосед по подъезду. В кабинке напротив нашей я увидел знакомое лицо. Это был давешний партнер Зосимыча по дискуссионному спаррингу, майор, кажется заместитель начальника РОВД, одетый теперь в гражданскую черную куртку, которую

он то ли не успел, то ли не хотел снимать, а лишь расстегнул молнию, чтобы не запариться в жарком прокуренном зале.

– Смотри, Зосимыч, тут твой приятель майор Бандурин.

– Кондурин. Ой, ну его, давай не будем к себе внимания привлекать, а то сейчас подойдет и начнется, етить-колотить, вторая серия марлезонского балета про невиновных и виновных.

Мы сели обратно за столик и шёпотом выпили за юриспруденцию, потом за морскую авиацию, потом за своевременную контрацепцию. Я понял, что мне срочно надо освежиться и, отпросившись на минуточку в туалет у своего приятеля, поднялся, собираясь выйти. В этот момент из-за столика майора поднялись двое его визави и тоже направились к выходу. Я с удивлением узнал в них мужчину, просившего в «комке» корвалол позавчера и капитана милиции, с которым он разговаривал позже. Капитан, так же, как и Кондурин-Бандурин одетый в гражданское, провожал мужчину к выходу, поддерживая его за плечо, для чего ему необходимо было поднимать руку, в силу своего не слишком высокого роста. Зосимыч, который за чем-то тоже приподнялся, пошатываясь, сощурился вслед парочке и мрачно сказал:

– А это знаешь, что тут за хрен? Тот самый капитан Мерецков и есть. Вольный стрелок, поberi его шайтан.

Да и хрен с ним, подумал я и пошагал на улицу. Вернулся минут через десять, умывшийся и немного посвежевший. За столиком с майором сидел теперь крупный лысоватый мужчина с семитским носом в дорогом костюме и рубашке с золочеными запонками, а рядом с ним двое стрижено-небритых, круглоголовых, уже почти повсеместно отошедших в прошлое «братков», в коротких кожаных куртках.

– Знаешь, что написано в туалете у уголовного розыска на втором этаже?! – приветствовал мое возвращение Зосимыч. – Обязательно посмотри!

– Слушай, а твой майор популярен, – ответил я и махнул головой в сторону противоположной кабинки.

Зосимыч приподнялся и снова сощурился, вглядываясь в зал.

– Это Ракшин. Директор стадиона. Спортсмены, етима. Деловые все, – Зосимыч театрально перекошил лицо, потом глубокомысленно добавил. – Тьфу на них всех тут. У нас своя свадьба, у них – своя. Пусть идут левым галсом. Ты мне вот что лучше скажи...

8

«Ну как это – зачем я пошёл работать в прокуратуру? А я тебе сейчас объясню! – Зосимыч в ответ улыбался и выжидающе смотрел на меня. – А действительно, зачем? Вроде бы я не идейный борец с преступностью. Нет... Ну, то есть, я, конечно, не считаю, что мне нет до этого никакого дела... то есть, не то чтобы равнодушен... хотя... ну, короче, я не готов класть свою судьбу на алтарь этой борьбы, вот!» Зосимыч продолжал улыбаться. «Хватит улыбаться, Зосимыч! Ну не знаю я зачем, понимаешь? Это обычная работа, такая же, как любая другая... Кто-то кладет кирпичи, кто-то людей лечит, кто-то преступников изобла... изобла... изобличает, вот!»

Нет, ну должно же быть какое-то объяснение, которое устроит хитро улыбающегося усатого «подлеца».

– Понимаешь... я не люблю адвокатов... и учёный из меня не вышел... но, оказывается, люблю власть... даже такую маленькую, как у следователя, а все-таки власть! И наверное, еще, как бы тебе это сформулировать, в общем, я за справедливость, понимаешь? И хочу, чтобы закон был законом, а не просто словами... Да прекрати ты уже улыбаться! Вот лучше сам скажи, а ты зачем пошел работать сюда, авиатор ты морской, етить-колотить?!

Зосимыч прищурился, отчего стал выглядеть ещё хитрее, чем раньше, и растаял в воздухе.

Я открыл глаза. Было еще темно, я лежал дома на своем старом продавленном диване, вещи раскиданы по полу, ужасно хочется пить, голова кружится, кровь во всем организме как—будто чужая и её бег сильно подгоняется чем-то, пульс колотится в висках. Пришлось заставить себя встать, открыть настежь окно и доползти до кухни. К моей великой радости, в пустом холодильнике нашлась одинокая, наполовину полная двухлитровая бутылка с минеральной водой, я не стал заморачиваться с поиском стаканов и напился из горла. Посмотрел на часы – половина седьмого утра.

Вчерашний вечер вспоминался отдельными эпизодами как какое-то авторское психоделическое кино. Вот мы выпили на брудершафт, и Зосимыч по русскому обычаю троекратно расцеловал меня в щёки, пахнув даже сквозь плотную алкогольно-табачную атмосферу кафебара убийственной «Примой». Вот мы громко спорим о чём-то и бармен, подойдя к нашей кабинке, вежливо, но настойчиво просит вести себя тише. Вот Зосимыч пьёт с локтя, а потом задумчиво подперев подбородок рукой, рассказывает вполголоса о своей семье, о жене и дочке, о тесте с тещей. Вот мы ведём душевный разговор о смысле жизни, предназначении, судьбе, и Зосимыч всё расспрашивает, зачем я работать в прокуратуру пошёл. Так и не помню, что ему ответил.

Вот я провожаю Зосимыча домой, точнее, практически волоку на себе, что не мешает нам в два дурных голоса распевать: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» Вот дверь его квартиры, слава богу, недалеко от моего дома, напуганное и расстроенное лицо зосимычевской жены, Ольга, кажется, её зовут. Вот я бреду домой тихой пустынной ночной улицей, а с неба валит снег и кажется, что я один, совсем-совсем один в целой Вселенной.

Я смотрел в окно. Снег перестал, и бывшее ещё минуту назад чёрным небо начинало наливаться чуть заметной утренней синевой. Ну и ладно. Стыд глаза не выест. Всё хорошо, что хорошо кончается. Какие там еще есть на этот счет поговорки? Что помогает с утра залечить похмельную голову и совесть, если нет рассола и аспирина? Правильно, пиво! Интересно, во сколько здесь открываются ларьки. Я сел на свой проваленный диван со смятыми, перекрученными тряпками – слабым подобием постели, дотянулся до пульта и включил телевизор.

Субботнее утро выдалось во всех отношениях «благостным», как было принято говорить в кругу моих самарских приятелей. Я купил в «комке» пару бутылок пива, одну из которых выпил залпом прямо на пороге магазинчика, к пиву немного соленых орешков, и отправился бесцельно шляться по городку. Стояла весьма приятная погода: выпавший вчера снег игриво отражал разноцветной россыпью лучи капризного зимнего солнца, деревья, сверху донизу усыпанные белым, склонили под тяжестью ветки, по очереди распрямляя те из них, снежный покров на которых подтаял на солнце и стекал вниз крупными каплями. Снег лип к подошвам и не давал кроссовкам скользить, что делало особенно приятной неторопливую прогулку, которую теперь можно было совершать растянутой, беззаботной походкой вместо привычных зимой суетливых коротких шажочков, какими ходим мы, чтобы только ни в коем случае не поскользнуться и не упасть.

Городок жил сонной жизнью выходного дня. Машин на дорогах не было вообще, редкие прохожие несли по домам пакеты с молоком, хлебом и колбасой к завтраку, у магазинчика, где продавали водку и портвейн на разлив, уже топталась стайка завсегдаев помятого и немного сумрачного вида, одинокая мамаша с младенцем выползла на раннюю прогулку. Наслаждаясь погодой и чистым воздухом, который бальзамом вливался в организм, отравленный вчерашними никотином и спиртом, я бродил по улицам уже часа полтора, и даже не замерз. Решено было взять еще пару пива и, может, чипсов каких-нибудь, и отправиться дальше, куда глаза глядят. Возвращаться в пустую квартиру и готовить завтрак не хотелось.

Проходя неторопливо по одному из дворов панельных пятиэтажек, рядом выстроившихся в центре «блочки», я заметил странную «движуху», или, если хотите, «движняк», выражаясь опять же на сленге своих недавних сокурсников и приятелей. В середине двора располагалась старая, полурассыпавшаяся хоккейная «калда», которую почему-то не залили льдом, я как-то видел: вечером там играли в футбол совместно взрослые мужики и подростки. Сейчас по «калде» бегала девушка, далеко отставив от себя левую руку. Подойдя ближе к бортику, я разглядел, что в руке у девушки шнурочек, на котором как на поводке бегают небольшая собачка породы колли. Девушка пробегала в одну сторону, потом разворачивалась и бежала обратно, периодически отдавая тихим голосом какие-то команды собаке, следовавшей параллельным курсом. Потом парочка останавливалась, девушка присаживалась на корточки и заглядывала собаке в рот, ну то есть в пасть.

Зрелище это неожиданно захватило моё внимание, как, бывает, захватывает внимание разворачивающийся на тесной дороге огромный грузовик, дорожные рабочие, вскрывающие асфальт, или работающий на стройке кран. Так что через некоторое время, я обнаружил себя безотрывно наблюдающим за девушкой с собачкой, периодически на автомате забрасывающим в рот горсть чипсов и прихлебывающим пиво. Думаю, со стороны это смотрелось чрезвычайно глупо. Хуже всего было то, что девушка давно заметила мое навязчивое присутствие и теперь явно направлялась ко мне. Незаметно покинуть место действия стало уже решительно невозможно. Хорошо, раз по-тихому уйти не удастся, лучше уж тогда перехватить инициативу.

– Доброе утро! – чуть радостнее, чем было уместно, сказал я, неловко пытаюсь сунуть бутылку с пивом в сугроб. – Что, готовитесь к параду собачьих стоматологов?

Девушка легко и непринужденно засмеялась. Одетая она была в коротенькую виниловую курточку, необычную для местного засилья кожи и недорогих мехов, расклепанные по дурацкой моде последних лет черные брючки, на голове шапка с разлетающимися до плеч «ушами», отороченная мехом. Вся её фигура выражала лёгкость и изящество, удачно подчёркнутое качественной, и явно не дешёвой одеждой. Свободной рукой девушка поправляла выбивавшиеся из-под головного убора рыжевато-русые волосы.

– Привет, меня зовут Катя, а это Джесси. Мы готовимся к выставке. Вы не могли бы нам помочь?

– Меня зовут Сергей, я бездельничаю, помочь могу, – в тон ответил я, – а что требуется?

– Да ничего особенно сложного. Я буду говорить Джесси: «покажи зубы!», а вы подходить и заглядывать к ней в пасть, как будто вы эксперт. Нужно, чтобы это делал незнакомый ей человек.

– А насколько это опасно?! У меня нет страховки и четверо детей!

Катя смотрела на меня и смеялась. У неё были совершенно чудесные чуть раскосые, (а может быть, это называется «миндалевидные», в таких вопросах я не силен) зелёного цвета глаза, я даже засомневался, не линзы ли, длинные прямые ресницы, высокий лоб и красивые пухлые губы. Не могу сказать, что я с ходу влюбился, но очарован был до глубины души.

– Это, конечно, очень опасно! – подыграла мне Катя, а Джесси посмотрела снизу виноватыми глазами. – Но мне казалось, что мужчинам нравится рисковать!

– Вам правильно казалось! – я незаметно втоптал поглубже в сугроб недопитое пиво, вытащил из пачки сигарету и воскликнул: – Готов подойти к зверю!! Ведите!

Ближайшие полчаса мы были всецело поглощены процессом. Джесси оказалась совершенно не агрессивной, а даже, наоборот, какой-то застенчивой, при моих подходах она норовила закрыть рот и тихонько бочком отойти. Взгляд её при этом делался всё более виноватым и страдальческим. Катя вместо того, чтобы успокоить несчастную колли, упорно и молча возвращала её на место и требовала от меня то громко говорить, подходя к собаке, то размахивать руками или делать другие внезапные резкие движения. Наконец Катя объявила, что Джесси замёрзла, устала и её нужно покормить, в общем, им пора домой.

– В этом доме живешь? – поинтересовался я, в процессе совместных трудов мы как-то незаметно перешли на «ты».

– Ага. Но вообще то не я, а тётка моя. Я сама из Москвы, приехала погостить, заодно и Джесси поднатаскать к выставке. Это тёткина собака. Мои дома остались, – Катя поменяла Джесси хлипкую верёвочку на красивый кожаный поводок. – А ты? Я тебя тут раньше не видела.

– Да уж, городок, прямо скажем, невелик, все на виду, – я вспомнил вчерашние знакомые лица в баре. – А я приехал три дня назад только. Вот осваиваюсь.

– Надолго?

– Как пойдет, – решил я напустить туману и загадочности.

– Ну, надеюсь, на следующей неделе, мне тогда будет хоть с кем общаться! Скучновато здесь, – вздохнула девушка.

– Угу, не шибко весело, – я немного помедлил, – слушай, Кать, а зачем нам ждать следующей недели? Давай, может, завтра куда-нибудь сходим? В кино там, или в кафе...

Изумрудные глаза задорно глянули на меня из-под лохматой шапки.

– Поглядим! Звони: девять ноль, ноль, девять, ноль!

И Катя, потянув за поводок Джесси, быстрыми шагами засемила в сторону подъезда.

– Номер какой у вас блатной! – крикнул я ей вслед.

– Это тётка моя работала на телефонной станции, вот ей такой красивый и дали! Пока! – Катя махнула мне рукой и скрылась в дверях.

Я засунул руки в карманы и зашагал в сторону ближайшего «комка», надо было купить уже какой-то еды, ещё вспомнил вдруг, что дома кончилась заварка, ну и может быть, возьму ещё парочку пивка, самую-самую последнюю!

На следующий день мы всё-таки пошли в кино. Кинотеатр в Средневожске был очень старым и пыльным, никакого dolby digital surround, фильм был тоже так себе, про тяжелые будни жаждущих секса великовозрастных американских школьников, но нам это было совершенно всё равно. С каждой минутой Катя нравилась мне всё больше. Я испытывал искреннюю радость, когда мне удавалось рассмешить её, и на щёчках появлялись ямочки; улыбался, когда она, задумчиво рассуждая, накручивала на пальцы локон своих длинных густых и непослуш-

ных волос; получал удовольствие, когда она неотрывно смотрела на меня, внимательно, и даже как будто с восхищением. Я рассказывал про себя, про наш универ, про Самару, вспоминал забавные истории, которые случались со мной и моими друзьями, о новой работе я, конечно, тоже рассказал, а зачем скрывать, чего мне стесняться-то.

Катя тоже говорила про себя, про свою семью, жизнь в Москве. В общем, мы гуляли после кино по парку, ели какое-то странное мороженое в зелёной, псевдоблочной оболочке, смеялись, болтали, словом, всё выглядело совершенно так, как изображают свидание в самом банальном из всех банальных кинофильмов. Может быть, потому что так и должны вести себя двое, а может быть, потому что мы сами были частью культуры, где создавались и с успехом демонстрировались в прокате такие штампованные фильмы.

Всегда удивительно, как новый человек в твоей жизни постепенно раскрывается, и ты всё больше и лучше понимаешь, познаёшь его, словно читаешь сложную, но любопытную книгу. Узнавание Кати проходило легко и ненавязчиво. Она не закидывалась на рассказах о себе, отягощенных нудными подробностями, с перечислением имён знакомых и родственников, а также дат, которые напрочь выматывают собеседника, ничего не давая взамен. Речь её была приятной и почти лишённой молодежного сленга, а также интонаций и словечек «истинного» москвича, но в тоже время ненарочито правильная, какая бывает иногда у филологов и учителей.

Катя жила в Москве, но не всегда. Её родители, мои земляки, переехали в столицу десять лет назад в поисках лучшей жизни. Катин отец, увы, погиб в криминальном водовороте девяностых, мать трудилась на двух работах и дома бывала только поздно вечерами. Катя, окончив школу, поступила в некий Современный Московский Экономический Университет на заочное отделение и подрабатывала дрессировкой собак, а также демонстрацией их на выставках.

– Это называется «хендлинг», а я – «хендлер», – Катя хитро посмотрела на меня, отчего стала похожа на лисичку из тех мультиков, где лисы – положительные персонажи. – Сейчас, правда, хендлинг в России не очень прибыльное дело. Люди неохотно тратят деньги после дефолта, и не понимают, насколько выигрывает собака, которую выставляет профессионал, по сравнению с теми, которых выводят на ринг хозяева. Но я думаю, у этой профессии большое будущее.

Она была погружена в свой мир, где собакам, курсам послушания и защиты, выставкам и экспертам отводилась львиная доля, а всему остальному – прожиточный минимум. Удивительным было то, что в отличие от многих таких «погруженных в своё» людей, которых мне доводилось встречать, Катя была красива, опрятна, хорошо одета, приятна и легка в общении. Она почти не курила, за весь день лишь один раз за компанию стрельнула у меня сигаретку, которую дотянула лишь до половины. Мне было приятно, что посещению кафе Катя предпочла сомнительный кинотеатр с последующей длительной прогулкой, значит, ей был интересен я, а не только развлечения, плюс мои финансы были всё же скромны, да и, честно говоря, кафе-бар «Олимп» после пятничного вечера вызывал у меня тоску, а есть ли здесь ещё хоть какое-нибудь заведение без столиков для стояния и алкашей для общения, я не знал.

– А я очень люблю животных, – рассказывала Катя, – дома у меня две собаки: кокер-спаниель и американский стаффордшир, а ещё есть кошка и аквариум.

– Здорово, – рассеянно сказал я, – американский стаффордшир – это такой?

И показал на рыжего пса серьёзного вида, тянувшего за собой унылого мужичка в дубленке на противоположной стороне улицы.

– У меня полосатый. А так похож. Только мой Ричик постарше, представляешь, его хозяева для частного дома купили, а потом решили отдать. Он, бедный, сидел весь день в вольере и замерзал. Я пожалела и взяла его, хотя у меня уже был Дастин, который кокер.

– Ничего себе пожалела! Не побоялась такую серьёзную псину брать, бойцовую!? Да ещё и взрослою.

– Скажешь тоже, бойцовую! Он в вольере два месяца жил и грустил один. Стаффордам, между прочим, люди больше, чем многим другим породам нужны! – Катя задумалась и принялась в собственной, уже изученной мною манере, наматывать на палец выбившийся из-под шапки длинный локон. – А вообще, ты, наверное, прав. Я много кого жалею: в детстве, в кружке юннатов – попугайчиков, которых руководитель на продажу разводил; детей из Дома Ребенка, над которым мы в школе шефство брали; родителей своих, у которых жизнь так тяжело сложилась; бабушку, которая одна в Самаре осталась; тётку, которая меня сюда зазвала погостить и с собакой позаниматься; тебя, который у «калды» стоял мерз с пивом своим дурацким.

Катя улыбнулась и посмотрела мне в глаза, немного приблизив свое лицо к моему. По закону жанра, тут я должен был её поцеловать, но я стоял, как дурак, с открытым ртом, и смотрел на неё. Нет, у меня к двадцати пяти годам уже был солидный опыт общения с противоположным полом, как постоянных отношений, так и случайных мимолётных знакомств, непродолжительных романов. Я ни разу так ещё не терялся, даже во времена, когда подростком с глупыми усиками под носом делал свои первые шаги на сцене этого «вечного театра драмы и комедии под названием Любовь». А тут даже не то, чтобы растерялся, или как говорится «протормозил», нет. Скорее, не хотел торопить события, и, наверное, очень побаивался ошибиться, сделать неверный шаг. А может быть, я просто оправдываюсь перед самим собой. Я такой.

Катя, заметив моё замешательство, засмеялась, взяла меня под руку и увлекла вперед по аллее, на которой уже загорались редкие вечерние огни фонарей. С темнеющего неба повалил снег.

9

Мне хорошо и приятно рядом с ней. Эх, вот ведь здорово, что я её нашел, и что мы сегодня вечером опять встретимся! От мыслей о Кате грудь моя наполнялась теплом, дышалось легче, шагалось веселее. Я топал на службу через парк, предвкушая, как по окончании работы зайду за своей новой знакомой, она возьмет собаку Джесси, и мы отправимся бродить по дорожкам парка, засыпанным густым снегом вчерашней ночью, я буду рассказывать о чём-то малозначительном и лёгком, Катя – смеяться, собака Джесси – бегать за палочкой, или что там она любит делать... В самом прекрасном расположении духа я зашел в наш двадцать третий кабинет.

– Где тебя носит?! – Зосимыч был в мрачном настроении, неужели послепятничное похмелье до сих пор его терзает, а может обиделся на что?

– А что? – улыбнулся я. – До начала рабочего дня еще 15 минут, товарищ адмирал.

– Тут тебя уже пол часа ищут, итима! На пейджер сообщали, ты чего не перезвонил? – Зосимыч проигнорировал мой веселый тон и по-прежнему был серьёзен и сердит.

Я посмотрел на пейджер, о котором напрочь позабыл со вчерашнего дня и увидел, что он отключен – батарейка села, а новую я, конечно, не купил. Зосимыч позвонил по телефону и сказал тем же сердитым голосом, что дежурный следователь (ах ты, блин, я же дежурю с сегодняшнего дня всю неделю!) прибыл и скоро подойдет, положил трубку и повернулся ко мне:

– Топай в дежурку, Серега! Убийство у тебя.

В дежурке РОВД мне сообщили, что обнаружен труп мужчины у гаражей, недалеко от тридцать седьмого дома по улице Прокофьева и, что опергруппа и врач бюро судебно-медицинской экспертизы уже там. Я уточнил у дежурного место по карте города. Вот черт! Придётся обратно в «блочки» топать. Не забыть только бланки протоколов, бумагу и ручку захватить. Но немного всё-таки повезло, на пороге прокуратуры я столкнулся с Баграмяном, и тот, узнав о срочности моего дела, любезно подвёз меня на своем рычащем и выпускающем газы красном «ишачке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.